

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА**

**В СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

**МОСКВА
2015**

История России (ИНИОН)

Коллектив авторов

**Великая Отечественная война
в современной историографии**

«Агентство научных изданий»

2015

ББК 63.3(2)

Коллектив авторов

Великая Отечественная война в современной историографии
/ Коллектив авторов — «Агентство научных изданий»,
2015 — (История России (ИНИОН))

ISBN 978-5-248-00770-7

Анализируются работы отечественных и зарубежных историков, посвященные Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., ее социально-экономическим последствиям для Советского Союза, влиянию на систему международных отношений. Особое внимание уделяется современным тенденциям в историографии, использованию новых методологических подходов. Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-248-00770-7

© Коллектив авторов, 2015

© Агентство научных изданий, 2015

Содержание

Предисловие	5
Преддверие и начало великой отечественной войны: проблемы современной историографии и источниковедения: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 2 апреля 2011 г. / Сост. А.А. Киличенков. – М.: Издательский центр РГГУ, 2012. – 251 с.	9
Дэвид Гланц о Красной армии в Отечественной войне	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Великая Отечественная война в современной историографии. Реферативный сборник

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателей сборник, приуроченный к 70-летию победы над нацистской Германией, задумывался как своеобразный срез текущей историографической ситуации, однако огромный объем изданной в последние годы литературы заставил нас ограничиться относительно небольшим и в известной мере произвольным набором наиболее интересных публикаций, выделяющихся из общего ряда своей тематикой или методами исследования. Как следствие, большая часть представленных здесь материалов основана на работах зарубежных авторов, поскольку западные исследователи по-прежнему гораздо активнее прибегают к разнообразным методологическим новациям, чем их российские коллеги. Тем не менее в сборнике отражены и работы отечественных ученых, посвященные некоторым малоизученным страницам истории участия СССР во Второй мировой войне.

Кроме того, в данном сборнике почти не представлены исследования по истории боевых действий и по истории Красной армии. Дело в том, что, ни в коей мере не умаляя значение этих работ, нельзя не признать, что в методологическом отношении они в большинстве своем весьма однообразны. Вместо этого мы сосредоточились на публикациях «невоенного» характера, раскрывающих человеческое измерение Отечественной войны, ее долгосрочные последствия и исторический контекст.

Сегодняшняя российская историография Отечественной войны производит двойственное впечатление. Если попытаться суммировать ее основные проблемы в нескольких предложениях, то прежде всего следует выделить следующие моменты.

1. До сих пор не завершившийся процесс рассекречивания документов. Формально введенный в законодательство 30-летний срок секретности по существу остается на бумаге, поскольку даже после его окончания документ может быть рассекречен только с санкции фондообразователя. Понятно, что у многочисленных государственных ведомств на эту работу нет ни сил, ни желания. Даже широко разрекламированное в свое время рассекречивание документов ЦАМО на практике принесло лишь незначительный эффект из-за того, что техническая работа по непосредственному рассекречиванию дел, как обычно, затянулась, а документы центральных органов стратегического управления и многие другие по-прежнему остаются на секретном хранении. Впрочем, чему удивляться, если фонд Главного разведывательного управления в РГВА (разумеется, целиком засекреченный) содержит, как следует из датировки в списке фондов, документы конца XIX в. (!), а от некоторых коллег и поныне можно услышать рассуждения о том, что документы рассекречивать не надо, поскольку в них упоминаются фамилии сотрудников НКВД, что «англичане свои архивы тоже не рассекречивают» и т.д.

2. Недостаточное внимание исследователей даже к тем документам, которые уже введены в научный оборот. Об этом много говорилось, в частности, на конференции в РГГУ в 2011 г., реферат материалов которой помещен в данном сборнике. Впрочем, и здесь удивляться нечему: слова «Но об этом мы писать, конечно, не будем, пусть об этом пишут наши враги» мне приходилось слышать собственными ушами.

3. Уже упоминавшийся консерватизм российского научного сообщества в области методологии: подавляющая часть исследований по истории Отечественной войны по-прежнему пишется в рамках истории боевых действий и истории вооруженных сил. Проблемы социальной, культурной, даже экономической истории изучаются гораздо менее активно.

4. Общий дефицит профессионализма, выражающийся не только в недостаточном количестве профессиональных историков и как следствие – в широком распространении любительских работ самого разного качества, от довольно высокого до не имеющего ничего общего с наукой, но и в заметном количестве посредственных публикаций, вышедших из-под пера профессиональных ученых и снабженных всеми необходимыми реквизитами.

5. Продолжающиеся попытки официальной пропаганды, да и части научного сообщества, возродить идеологию, уходящую своими корнями в эпоху застоя (и через нее – в сталинские годы), но на новой фактологической основе и нередко – с отчетливым привкусом русского национализма. До сих пор публикуются работы, авторы которых утверждают, что секретный протокол к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. не содержит в себе ничего предосудительного, поскольку не предусматривает ничьих обязательств совершить агрессию против кого-либо; что Эстония, Латвия и Литва присоединились к Советскому Союзу «добровольно», а захват Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии был не актом агрессии, а возвращением того, что «принадлежало нам по праву»; что действия советского руководства накануне германского вторжения были правильными и обоснованными, а поражения Красной армии летом-осенью 1941 г. – исторически predeterminedенными и неизбежными; что депортации горских народов в 1944 г. были «справедливым и гуманным возмездием» за их «предательство»; что рассуждения о цене победы «безнравственны» и т.д. Хуже того, откровенный и неприкрытый «госзаказ» на обоснование подобных тезисов в последние годы подкрепляется всё более решительными претензиями государства на «силовое» вмешательство в науку – от создания «комиссии по фальсификации истории» до недавних поправок в Уголовный кодекс.

К безусловно положительным тенденциям можно отнести растущее количество работ, использующих немецкие источники, и работ, не относящихся к истории боевых действий; некоторые из них представлены в данном сборнике. Хочется надеяться, что его издание поспособствует в какой-то мере дальнейшему развитию в этом направлении.

В зарубежной исторической науке Отечественная война изучается не столь интенсивно, как в России; тем не менее интерес к истории Восточного фронта не иссякает, при этом западные ученые активно осваивают вновь рассекреченные архивные коллекции и гораздо чаще, чем их российские коллеги, применяют новые подходы и методы. Культура написания и оформления научных работ на Западе также остается более высокой, чем в России.

Ситуация с пополнением московских библиотек иностранной литературой, как показала работа над сборником, мало изменилась за четыре года, прошедших с того времени, когда готовился наш предыдущий сборник «Начало Великой Отечественной войны: современная историография». Даже в крупнейших библиотеках иностранные фонды по сравнению с советским периодом довольно бедные и между собой почти не перекрываются, так что многие книги доступны только в одной библиотеке в единственном экземпляре. Помимо библиотеки ИНИОН, при подготовке данного сборника использовались книги из Российской государственной библиотеки и библиотеки Германского исторического института в Москве, а также значительное количество книг, электронные копии которых были нелегально опубликованы в Интернете. Пиратские библиотеки продолжают неуклонно пополняться новой литературой – к счастью для исследователей, хотя и к растущему неудовольствию издательского сообщества, которое, впрочем, никакой взаимовыгодной альтернативы предложить пока не в состоянии.

Сборник открывает реферат материалов конференции «Преддверие и начало Великой Отечественной войны», состоявшейся в 2011 г. в РГГУ. Участники конференции попытались

суммировать накопленные к настоящему моменту знания по этому наиболее драматичному периоду и наметить пути дальнейших исследований. Далее следует сводный реферат (авторы – М.М. Минц и В.М. Шевырин) по двум монографиям американского историка Д.М. Гланца «Колосс поверженный» и «Колосс возрожденный», в которых рассматриваются состояние и действия Красной армии в 1941–1943 гг. Хотя обе книги не лишены спорных положений, они тем не менее являются одним из наиболее фундаментальных исследований на эту тему в современной мировой историографии.

Следующий блок материалов составляют работы, посвященные отдельным страницам и сюжетам истории Отечественной войны. А.Б. Оришев в книге «В августе 1941» описывает подробности такой малоизвестной операции советских войск, как совместная с англичанами оккупация Ирана (реферат Ю.В. Дунаевой). В сводном реферате «Блокада Ленинграда» (автор – М.М. Минц) рассматриваются несколько работ, посвященных различным малоизученным проблемам истории блокады (голод и выживание в условиях блокады, деятельность ленинградских медиков, охрана памятников истории и культуры, память о блокаде). Советская пропаганда в годы войны анализируется в книге голландского историка К. Беркхоффа «Отечество в опасности» (реферат О.В. Большаковой). В монографии Д.Д. Фролова «Советско-финский плен, 1939–1944» (реферат М.М. Минца) описываются судьбы советских и финских военнопленных в годы Зимней войны и Отечественной войны («войны-продолжения»).

Несколько рефератов посвящены ситуации на оккупированных территориях. Немецкий историк Й. Хазенклевер в книге «Вермахт и оккупационная политика в Советском Союзе» анализирует оккупационную политику Рейха на примере военной администрации, управлявшей прифронтовыми областями и подчинявшейся командующим тыловыми районами групп армий (реферат В.П. Любина).

В книге И.Г. Ермолова «Три года без Сталина» описывается феномен «гражданского коллаборационизма» – сотрудничества населения оккупированных советских территорий с немцами, не связанного со службой в РОА и других антисоветских вооруженных формированиях. Партизанское движение в Советском Союзе (на примере Белоруссии) рассматривает в своей работе Б. Мусял (реферат М.М. Минца).

Эвакуации советских граждан в восточные регионы страны и трудностям жизни в тылу посвящен подготовленный М.М. Минцем сводный реферат «Эвакуация и тыл». Участие советских женщин в войне рассматривается в книге А. Крыловой «Советские женщины в бою» (реферат О.В. Большаковой).

Такая тема, как межсоюзнические отношения в годы войны, до недавнего времени почти не привлекала внимания отечественных исследователей. Эта тенденция обозначилась еще в советскую эпоху, когда не только была заложена традиция изучения событий на Восточном фронте фактически в отрыве от истории Второй мировой войны в целом, но и сформировалось пренебрежительное отношение к союзникам по антигитлеровской коалиции, чья помощь СССР якобы была недостаточной и не оказала серьезного влияния на исход войны. Тем не менее появились и первые публикации, призванные восполнить этот пробел. Две такие работы представлены в данном сборнике. В монографии И.В. Быстровой «Поцелуй через океан» (реферат Ю.В. Дунаевой) описываются личные контакты советских граждан с англичанами и американцами – на всех уровнях, от политических лидеров до рядовых военнослужащих, населения портовых городов и т.д. В книге В.Н. и И.В. Красновых рассматривается история ленд-лиза, анализируется значение английских и американских поставок для исхода войны между Советским Союзом и Германией (реферат М.М. Минца).

Два материала посвящены этническим аспектам войны на Восточном фронте. В сводном реферате «Советские евреи в годы войны и Холокоста» (автор – М.М. Минц) представлены несколько работ, охватывающих довольно широкий круг тем – малоизвестные страницы истории Холокоста, историю еврейского сопротивления, подпольного движения и партизанских

отрядов, участие евреев в боевых действиях на фронтах Отечественной войны и т.д. Монография А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугая и Е.Ф. Кринко посвящена судьбе горцев Северного Кавказа в годы войны (реферат М.М. Минца). Авторы подробно описывают историю участия чеченцев и других горских народов в боях на Восточном фронте, партизанского движения и коллаборационизма в оккупированных районах Северного Кавказа, прослеживают эволюцию отношения советского руководства к горским народам – от отмены призыва в армию до депортаций 1943–1944 гг.

Завершается сборник тремя публикациями, тематика которых относится уже к послевоенному периоду. Сборник статей «Земли, охваченные войной» под редакцией П. Гэтрелла и Н. Бэрона (реферат О.В. Бабенко) содержит ряд материалов, посвященных восстановлению государственности и перемещениям населения в Восточной Европе в первые годы после окончания Второй мировой войны. В сводном реферате «Ветераны Отечественной войны» (автор – М.М. Минц) представлены работы, описывающие различные аспекты возвращения бывших фронтовиков к мирной жизни, их взаимоотношения с другими общественными группами и с советским государством. Долгосрочным последствиям войны для советского государства и общества посвящен сводный реферат О.В. Большаковой «Значение Второй мировой войны для истории СССР и постсоветского пространства».

Хотелось бы также выразить благодарность Майклу Дэвид-Фоксу (Джорджтаунский университет, Вашингтон), любезно предоставившему для реферирования экземпляр недоступного в России сборника статей «Холокост на Восточном фронте», одним из редакторов которого он является.

М.М. Минц

Преддверие и начало великой отечественной войны: проблемы современной историографии и источниковедения: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 2 апреля 2011 г. / Сост. А.А. Киличенков. – М.: Издательский центр РГГУ, 2012. – 251 с. (Реферат)

Конференции, посвященные истории Отечественной войны, проводились в РГГУ неоднократно. Первая из них состоялась еще в 1995 г., ее тема была обозначена как «Вторая мировая война: проблемы изучения и преподавания в вузе», а материалы были изданы в виде сборника «Другая война, 1939–1945»¹, ставшего заметным событием в российской историографии. Новой тенденцией последних лет стало проведение не только «традиционных» юбилейных конференций, но и более «камерных», часто узкотематических мероприятий с меньшим числом участников, сфокусированных в первую очередь на фиксации текущего уровня знания, достигнутого российской исторической наукой, а также на выявлении и обсуждении новых тем и подходов в изучении истории Отечественной войны. Ограничение количества участников позволило провести более строгий, чем обычно, отбор докладов и выделить больше времени на их обсуждение, которое из «протокольных» ответов докладчика на вопросы слушателей превратилось в содержательную научную дискуссию. Сборник материалов конференции, соответственно, включает не только собственно тексты докладов, но и стенограмму их обсуждения, в которой нередко содержатся не менее интересные сведения и идеи, чем в самих докладах. Первая такая конференция прошла 2 апреля 2011 г. и была посвящена кануну и началу Отечественной войны – одной из наиболее сложных и дискуссионных страниц ее истории². Рассмотрим некоторые из ее материалов более подробно.

Сборник открывается докладом Ю.А. Никифорова (ИВИ РАН), посвященным продолжающейся дискуссии о целях советских военных приготовлений в первой половине 1941 г. Автор настаивает, что известные нам проекты стратегического плана, разработанные в марте и в мае того года, так и остались не более чем черновиками, к нападению на Германию СССР не готовился, а советское военное планирование вплоть до германского нападения строилось на доктрине «ответного удара», исходя из того, что от мобилизации и развертывание главных сил Красной армии должно будет осуществляться уже после начала боевых действий. Реализацией этой доктрины Никифоров считает и планы прикрытия границы, разработанные в мае-июне, и даже майский проект стратегического плана, который, по его мнению, предусматривал не упреждающий удар по германским войскам, а всего лишь предварительные меры к тому, чтобы сократить развертывание главных сил РККА после начала боевых действий.

К докладу Никифорова тематически примыкает доклад В.А. Арцыбашева (Главархив Москвы) об отражении военно-стратегических концепций, разрабатывавшихся в СССР в межвоенный период, в советском стратегическом планировании накануне Отечественной войны. Арцыбашев приходит к выводу, что известные нам проекты стратегического плана на случай войны с Германией, с заложенной в них идеей нанесения главного удара по южной Польше с

¹ Другая война, 1939–1945: Сб. ст. / Сост. и авт. предисл. В.Г. Бушуев. – М.: РГГУ, 1996. – 487 с.

² 21 июня 2014 г. состоялась еще одна конференция, на которой обсуждалась история Отечественной войны в целом, но ее материалы, к сожалению, пока не опубликованы. – *Прим. реф.*

целью отрезать Германию от Румынии, были основаны на «стратегии измора», а не на «стратегии сокрушения», как может показаться на первый взгляд. В ходе обсуждения доклада этот вывод вызвал возражения со стороны А.Ю. Ермолова (во время конференции работал в Московском институте электроники и математики, в настоящее время – в Высшей школе экономики), напомнившего участникам конференции, что основные железнодорожные магистрали проходили западнее Кракова и не могли быть перерезаны советскими войсками, если бы доверенные планы удалось реализовать на практике.

В докладе Б.Л. Хавкина (РГГУ) подробно описывается процесс разработки плана «Барбаросса», рассматриваются многочисленные предварительные эскизы плана войны с Советским Союзом, подготовленные высшими штабами германских вооруженных сил во второй половине 1940 г. Н.С. Тархова (РГВА) в своем докладе описывает недавно рассекреченный и введенный в научный оборот комплекс источников – донесения о мобилизационной готовности частей и соединений Западного особого военного округа в последние предвоенные месяцы. Она отмечает, уже в ходе обсуждения доклада, что комплексный анализ массовых источников по состоянию Красной армии перед войной до сих пор практически не производился, и это следует признать безусловным упущением отечественного научного сообщества.

Доклад Н.Т. Ерегиной (Ярославская государственная медицинская академия) посвящен историографии такой малоизученной темы, как советская медицина накануне Отечественной войны и степень ее подготовленности к войне. Автор приходит к выводу, что «обобщающих комплексных работ о степени готовности медицинской службы Советской Армии и гражданского здравоохранения к Великой Отечественной войне, основанных на новых подходах и новых документах, до настоящего времени нет. Многие положения и сюжеты лишь обозначены, проиллюстрированы отдельными примерами и нуждаются в дальнейшем исследовании. Их всестороннее изучение будет способствовать созданию более полной картины деятельности медицинской службы, возвратившей в годы войны в строй около 17 млн раненых и больных, что позволяет сделать вывод о том, что в значительной степени войну выиграла возвращенные в строй из госпиталей солдаты и офицеры» (с. 70).

Немецкие документы как источник по истории первых операций 1941 г. на Восточном фронте рассматриваются в докладе А.В. Исаева (ОАО «ВымпелКом»). Автор анализирует особенности немецкой штабной документации (значительный ее массив в настоящее время доступен в Интернете), приводит конкретные примеры ее использования. По его заключению, обращение к немецким источникам позволяет не только уточнить наши знания о ходе отдельных боев и операций, но и значительно скорректировать представления о летне-осенней кампании 1941 г. в целом. Немецкие источники, в частности, опровергают распространенные мифы о «неуязвимости» советских танков КВ-1 и Т-34 и «абсолютном господстве» в воздухе германской авиации, не подтверждают преувеличенные представления о значении радиосвязи для успеха немецких операций и т.д. При этом, как и в более ранних своих публикациях, Исаев продолжает отстаивать тезис о том, что действия советского командования в 1941 г. были вполне оправданными и соответствующими обстановке. В ходе обсуждения доклада этот вывод вызвал возражения ряда участников конференции (А.А. Киличенков, М.А. Головки).

К позиции Исаева близка и точка зрения В.А. Литвиненко (НИИ военной истории Академии Генерального штаба, бывший Институт военной истории Министерства обороны), в докладе которого описывается эволюция отечественной историографии начала войны с первых послевоенных лет до настоящего времени и также делается вывод, что катастрофический характер летне-осенней кампании 1941 г., как и некомпетентность военно-политического руководства СССР, в современной литературе часто преувеличиваются. В последующей дискуссии между В.А. Литвиненко, А.В. Исаевым и А.А. Киличенковым (РГГУ) выявилась и такая проблема, как разное понимание допустимого уровня потерь в германской и советской военных школах, и как следствие – различия в употреблении термина «катастрофа».

М.И. Мельтюхов в докладе «К вопросу о причинах поражений Красной Армии в 1941 г.» обсуждает такую проблему, как уровень подготовки личного состава РККА перед войной. Он приходит к выводу, что причины катастрофы 1941 г. следует искать прежде всего именно здесь, поскольку сейчас уже известно, «что вермахт и его союзники вовсе не превосходили в количественном отношении советские войска, а вооружение войск противоборствующих сторон было в целом вполне сопоставимо по своим качественным параметрам», численное же превосходство германских войск было довольно быстро сведено на нет начавшейся в СССР мобилизацией (с. 95–96).

В докладе М.Ю. Мягкова (МГИМО, ИВИ РАН) анализируются причины катастрофы Западного фронта в Белоруссии в двадцатых числах июня 1941 г. С.Е. Новиков (Минский государственный лингвистический университет) в своем докладе, опираясь на немецкие источники, описывает ход боев за Могилёв 20–26 июля 1941 г. – один из тех нечастых в первые недели войны случаев, когда дивизии Вермахта натолкнулись на упорную, грамотно выстроенную оборону советских войск, преодолеть которую им удалось только в результате многодневных кровопролитных боев. Доклад Н.А. Копылова (МГИМО) посвящен особенностям военного строительства в Прибалтийском особом военном округе – самом молодом из советских военных округов, созданном летом 1940 г. на территории только что присоединенных к СССР прибалтийских республик.

Общий анализ причин неудачного для Красной армии начала войны дается в докладе М.Э. Морозова (НИИ военной истории Академии Генерального штаба). Особое внимание автор обращает на следующие факторы: непонимание советской военной элитой характера современной войны; недооценка вследствие этого возможностей Германии осуществить нападение на Советский Союз по такому же сценарию, по которому осуществлялось, к примеру, вторжение в Польшу в 1939 г. (внезапный удар заблаговременно отмобилизованных и развернутых на границе главных сил нападающей армии); одновременная реорганизация большого количества частей и соединений, резко снизившая уровень боеспособности РККА в целом, в условиях, когда опасность войны с Германией возрастала с каждым днем.

Сравнению идеологических установок Вермахта и Красной армии и их влиянию на ход боевых действий на Восточном фронте посвящен доклад В.А. Артамонова (ИРИ РАН). Тему продолжает доклад Е.С. Сенявской (ИРИ РАН) об общественных настроениях в СССР летом 1941 г. В последовавшем обсуждении затрагиваются также источниковедческие аспекты этого вопроса. Л.А. Тёрушкин анализирует морально-психологическую подготовленность бойцов Красной армии к войне с Германией, основываясь на письмах и дневниках лета-осени 1941 г., собранных в возглавляемом им архиве Российского научно-просветительского центра «Холокост». Он приходит к выводу, что советские военнослужащие были слабо подготовлены к той войне, которую им пришлось вести, – не знали своего противника, переоценивали «классовую солидарность» немецких рабочих и крестьян с советскими, не представляли всю степень опасности, которую нес нацистский режим и т.д., что, возможно, следует рассматривать как одну из причин неудач РККА в первые месяцы войны. Перелом в мышлении красноармейцев, по его заключению, завершился лишь к осени 1942 г. Доклад, как показывает стенограмма, вызвал оживленную дискуссию, участники которой не смогли прийти к единому мнению о репрезентативности писем как источника для изучения настроений личного состава враждующих сторон. Особенности морально-психологического состояния советского общества накануне и в начале войны посвящен также доклад В.Н. Земскова (ИРИ РАН).

Л.А. Молчанов (РГГУ) описывает деятельность русских коллаборационистских газет на оккупированной территории. Истории уничтожения советских евреев в 1941 г. и ее отражению в современной исторической литературе и исторической памяти посвящен доклад И.А. Альтмана (РГГУ).

Завершает сборник доклад С.Г. Осьмачко (Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО, ныне филиал Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского), посвященный осмыслению опыта Отечественной войны в целом и перспективам ее дальнейшего изучения.

Подводя итоги конференции, ее ведущий А.А. Киличенков (РГГУ) в своей заключительной статье констатирует, что «произошедшая в последний период политизация истории войны и связанный с ней всплеск острого публицистического интереса не оказали ощутимого воздействия на процесс научного поиска» (с. 234–235, со ссылками на работы А.Р. Дюкова, В.Р. Мединского, Н.А. Нарочницкой, И.В. Пыхалова). Дальнейшее приращение научного знания возможно только на пути строго научного скрупулезного анализа доступных к настоящему моменту источников с применением новых методологических подходов и методик исследования, выработанных исторической наукой. Вместе с тем прозвучавшие доклады и их обсуждение позволяют выявить несколько новых тенденций, которые, если они получают дальнейшее развитие, могут в перспективе стать началом нового этапа в исследовании Отечественной войны.

Так, в ходе конференции неоднократно подчеркивалась «необходимость обновления теории и методологии исследования истории войны, в том числе и ключевых, базовых понятий, выполняющих в рамках любого исследования роль несущих конструктивных элементов» (с. 235). Конференция показала также, что существующие представления об Отечественной войне по-прежнему сильно мифологизированы, это оказывает влияние не только на массовое сознание, но и на деятельность профессиональных историков. Причем в настоящее время можно констатировать как смену прежних советских мифов новыми контрмифами (к примеру, известный миф о фатальной технической отсталости Красной армии в 1941 г. дополняется мифом о подавляющем превосходстве Вермахта в техническом отношении и контрмифом о неуязвимости советских танков КВ-1 и Т-34), так и возрождение некоторых старых мифов на новой фактологической основе (ярким примером этого является озвученный А.В. Исаевым тезис о том, что действия советского руководства в 1941 г. были вполне грамотными и обоснованными, а поражения Красной армии летом-осенью того же года – исторически обусловленными и неизбежными). Вопрос об упущенных альтернативах, напротив, остается практически неисследованным. Как результат, приходится признать, «что мы, в действительности, до сих пор не имеем адекватного, исчерпывающего представления об истинном механизме поражений 1941 года. Важно понимание того, что это был именно механизм, а не просто набор причин» (с. 236).

Еще одним фактором, сдерживающим дальнейшее развитие историографии войны, является недостаточное внимание историков к многочисленным источникам, недавно введенным в научный оборот, в особенности к массовым источникам и документам немецкой стороны. В целом ряде случаев эта проблема оказывается едва ли не более серьезной, чем затянувшееся рассекречивание архивов. Наконец, дополнительные трудности создает то обстоятельство, что усилия многих исследователей до сих пор сосредоточены по преимуществу на анализе военно-политической истории событий 1939–1941 гг., тогда как по-настоящему глубокое понимание этого периода невозможно без обращения к многочисленным смежным темам, прежде всего к несобытийной истории.

М.М. Минц

Дэвид Гланц о Красной армии в Отечественной войне (Сводный реферат)

1. Гланц Д.М. Колосс поверженный: Красная армия накануне мировой войны.

Glantz D.M. *Stumbling colossus: the Red Army on the eve of the World War.* – Lawrence (Kan.): Univ. press of Kansas, 1998. – XVII, 374 p.: ill.

2. Гланц Д.М. Колосс возрожденный: Красная армия в войне, 1941–1943.

Glantz D.M. *Colossus reborn: the Red Army at war, 1941– 1943.* – Kansas: Univ. press of Kansas, 2005. – XIX, 807 p.: ill.

Дэвид М. Гланц, основатель и редактор «Журнала славянских военных исследований» (*The Journal of Slavic Military Studies*), является, по-видимому, крупнейшим на данный момент западным специалистом по войне на Восточном фронте в 1941– 1945 гг. Его перу принадлежат более двух десятков книг, посвященных истории Красной армии и советского противоборства с нацистской Германией. Монографии «Колосс поверженный» и «Колосс возрожденный» составляют в некотором роде квинтэссенцию его наработок (две книги задумывались как первая и вторая части трилогии, но третья ее часть пока не появилась). Обе работы писались уже в постсоветский период, с привлечением огромного массива недавно рассекреченных документов.

В продолжающейся научной полемике вокруг военно-политических целей сталинского руководства накануне операции «Барбаросса» Гланц присоединился к наиболее жестким критикам В.А. Суворова. Он не считает, что Советский Союз готовил нападение на Германию в 1941 г., и разделяет распространенное, хотя и не бесспорное, утверждение, что Суворов своими работами пытается оправдать нацистскую агрессию против СССР (см.: 1, с. XII–XIII)³. Частью его полемики с Суворовым стали реферируемые книги, и это оказало влияние на их содержание и структуру. Так, к числу наиболее спорных тезисов Суворова относится утверждение о том, что Красная армия весной 1941 г. была прекрасно подготовлена к войне практически во всех отношениях, а главная причина ее неудач летом-осенью того же года состояла в том, что она готовилась не к оборонительной войне, а к наступательной. Многие оппоненты Суворова со своей стороны отстаивают прямо противоположную – и тоже весьма уязвимую для критики – точку зрения, согласно которой Советский Союз был совершенно не готов к войне и Сталин не мог этого не понимать; следовательно, ни о какой подготовке к нападению на Германию не могло быть и речи. Этой точки зрения придерживается и Гланц, поэтому первая из двух его книг, рассматриваемых в данном реферате, целиком посвящена состоянию Красной армии накануне Отечественной войны.

Книга структурирована по проблемно-тематическому принципу и состоит из девяти глав, соответствующих отдельным аспектам подготовки Советского Союза к войне. Почти все главы завершаются подробными статистическими разделами.

Первая глава монографии посвящена численности советских вооруженных сил перед войной. Перевод армии в 1930-е годы с территориально-милиционной на кадровую основу и введение в 1939 г. всеобщей воинской повинности позволили советскому руководству увеличить ее в несколько раз, а весной 1941 г. началась фактически скрытая частичная мобилизация.

³ В настоящее время обе реферируемые книги уже переведены на русский язык. Перевод первой книги см.: *Гланц Д. Колосс поверженный: Красная Армия в 1941 году.* – М.: Яуза: Эксмо, 2008. – 539 с. Перевод второй книги был выпущен теми же издательствами в двух томах, но без указания на то, как именно каждый из них соотносится с оригиналом. Перевод частей I и II см.: *Гланц Д.М. Советское военное чудо, 1941–1943: Возрождение Красной Армии.* – М.: Яуза: Эксмо, 2008. – 639 с. Перевод части III: *Гланц Д. Восставшие из пепла: Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы.* – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 543 с. Во избежание путаницы ссылки в реферате даются на английские издания, благо обе книги доступны в московских библиотеках и в переводе, и в оригинале.

К моменту германского нападения советские войска насчитывали, по данным автора, 5 млн 373 тыс. человек личного состава в 303 дивизиях различных типов. Всеобщая мобилизация, запущенная в первые дни войны, позволила к 31 августа довести численность армии до 6 млн 889 тыс. человек (450 дивизий), а к концу года она превысила 8 млн человек (592 дивизии). Автор, однако, отмечает, что советская дивизия того времени была примерно в два раза слабее немецкой. Кроме того, «истинную боеготовность Красной армии», по его мнению, «следует измерять по степени ее боеготовности. Одним из важных индикаторов боеготовности Красной армии на 22 июня 1941 г. были потери, понесенные ею в первые шесть месяцев войны, эквивалентные 229 дивизиям» (4 308 094 человека) (1, с. 17).

Рассматривая в следующей главе состояние командных кадров РККА, автор соглашается с мнением Н. Раманичева, что низкий уровень их подготовки во многом перечеркнул огромное количество и часто очень неплохое качество имевшегося в советских войсках вооружения и техники. Главной причиной такого положения Гланц считает массовые чистки, проводившиеся в вооруженных силах в 1937–1938 гг. и продолжавшиеся, хотя и в меньших масштабах, вплоть до 1941 г. включительно. Чистки не только лишили армию и флот тысяч квалифицированных командиров и штабных работников, но и создали атмосферу нервозности и страха, парализующих всякую инициативу. Ситуацию усугубило стремительное наращивание численности армии в последние предвоенные годы. В отдельном параграфе кратко описываются биографии и дается оценка деятельности ряда наиболее известных советских военачальников – от командующих армиями до наркома обороны С.К. Тимошенко. Важным недостатком советской системы стратегического управления было полное отсутствие органов руководства войсками в военное время и планов по их созданию. После начала боевых действий такие органы пришлось формировать в порядке импровизации. В мирный период работу многочисленных командных инстанций сильно затрудняла постоянная корректировка принятых планов и стратегических концепций, отражавшая сложные зигзаги внешней политики Сталина.

В третьей главе обсуждается социальный облик советского солдата. Автор отмечает, что на Западе до сих пор распространено упрощенное стереотипное представление о бойцах и командирах Красной армии, восходящее еще к воспоминаниям немецких генералов и офицеров. Во многом это связано с тем, что в советское время доступ зарубежных ученых к отечественным источникам был крайне затруднен, в советской литературе специальные исследования опыта простых солдат отсутствовали, а в официальной пропаганде простой человек на войне предстал по сути в обезличенном виде. Ситуация начинает исправляться лишь в последние годы. По оценкам Гланца, существующая источниковая база для такого рода исследований довольно обширна и включает не только многочисленные воспоминания и дневники солдат и младших офицеров, введенные в научный оборот в постсоветский период, но и вновь рассекреченные документы органов НКВД, да и немецкие аналитические материалы по Красной армии изучены еще далеко не полностью.

Стратегические, оперативные и мобилизационные планы накануне войны советскому командованию пришлось разрабатывать заново и фактически с нуля, поскольку расширение территории СССР в соответствии с пактом Молотова – Риббентропа перечеркнуло все предыдущие расчеты. Последствия этого сказались уже во время Зимней войны: отсутствие заранее проработанных планов мобилизации и переброски войск привело к хаосу в тылу и еще больше осложнило и без того непростое положение на финском фронте. Кроме того, на новых границах отсутствовали укрепленные районы для отражения первого удара немцев, а дорожная сеть во вновь присоединенных западных областях была развита слабее, чем к востоку от старой границы, да и перешивка железнодорожной колеи с европейского стандарта на советский требовала времени. Полностью решить эти проблемы до начала войны с Германией советское руководство так и не успело.

Анализируя доступные материалы советского военного планирования, автор приходит к выводу, что основным недостатком стратегических планов 1940 – весны 1941 г. было то, что они базировались на доктрине «ответного удара» и предусматривали проведение полномасштабной мобилизации уже после начала боевых действий. Подготовленный в мае 1941 г. план нападения на Германию Гланц рассматривает как один из многих «черновых чрезвычайных планов», разработанных в Генеральном штабе, большинство из которых «остались погребенными в российских архивах». Даже если этот план действительно докладывался Сталину, «то, учитывая его известные действия в 1941 г., можно достаточно определенно утверждать, что он не одобрил бы такого предложения» (1, с. 95). Начавшееся в мае 1941 г. скрытное стратегическое развертывание на Западном театре автор считает не подготовкой к осуществлению этого плана, а очередной стадией «вползания в войну», т.е. реализацией той стратегии, на которой основывались предшествующие расчеты советского командования. Мобилизационный план 1941 г. (план МП-41) позволил советской стороне более или менее успешно (хотя и с существенными оговорками) провести всеобщую мобилизацию в условиях начавшейся Отечественной войны, однако с точки зрения экономических возможностей СССР реализовать его в полной мере было просто невозможно даже при самых благоприятных обстоятельствах, что имело свои последствия.

Несколько глав посвящены проблеме боеготовности различных родов войск накануне войны. Автор отмечает, что военная реформа, запущенная в Красной армии в 1940 г. после назначения наркомом обороны С.К. Тимошенко, была довольно амбициозной, но осуществлялась в спешке, не всегда продуманно и к тому же так и не была завершена до начала войны с Германией. Завершить ее даже в общих чертах, по оценке Гланца, можно было не ранее лета 1942 г., а на укомплектование всех вновь развернутых танковых дивизий и корпусов до полного штата потребовалось бы еще несколько лет. В результате соединения, которые по замыслу должны были быть исключительно мощными, на деле обычно испытывали серьезный некомплект вооружения, техники, транспорта, средств связи и т.д., уровень подготовки личного состава оставался низким (сказывался и переизбыток новобранцев в войсках, поскольку численность РККА непрерывно наращивалась), не хватало квалифицированных командиров. Дополнительные сложности были связаны с тем, что многие танковые соединения формировались на базе кавалерийских дивизий и корпусов; их командный состав зачастую довольно плохо разбирался в применении современных танковых войск.

Советская артиллерия к началу войны численно превосходила немецкую и не уступала ей по качеству орудий, но эти преимущества в значительной степени нивелировались низкой боевой подготовкой артиллеристов; проблемы отмечались как с эффективностью выявления и поражения целей, так и с организацией взаимодействия с другими родами войск. Остро ощущалась также нехватка транспорта – большинство артиллерийских батарей передвигалось либо на конной тяге, либо с использованием мощных, но тихоходных тракторов, что довольно сильно снижало их мобильность. Как и в танковых войсках, не была налажена служба эвакуации и ремонта поврежденной техники; с началом войны это обернулось повышенными потерями в материальной части. В инженерных войсках и войсках связи не хватало современного оборудования, кроме того, мобилизация этих родов войск была по существу провалена. Тыловые подразделения в мирное время содержались по сокращенным штатам и оказались не в силах обеспечить боевую деятельность войск в первые дни войны до окончания мобилизации. Мобилизационным планом МП-41 предусматривалось развертывание довольно мощной службы тыла в течение 30 дней, но на деле эту задачу удалось выполнить лишь частично. Наибольшие трудности возникли опять-таки с транспортом.

Советская авиация имела подавляющее численное превосходство над противником даже с поправкой на большое количество неисправных самолетов и нехватку обученных экипажей, а амбициозные планы по насыщению авиасоединений самолетами новейших образцов позво-

ляли в перспективе превратить ее в довольно серьезную боевую силу, но германское нападение застало советские ВВС в самый разгар реорганизации, т.е. в момент их наибольшей уязвимости. Завершить эту реорганизацию предполагалось к лету 1942 г. Положение усугублялось несовершенной организационной структурой военно-воздушных сил (авиация дальнего действия незадолго до войны была децентрализована, основная ее часть передана в подчинение военных округов), крайне низкой боевой выучкой пилотов и постоянной кадровой чехардой и чистками, особенно в центральном аппарате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.